

ОСНОВНЫЕ ДОМИНАНТЫ НАРРАТИВА О СЕКСУАЛЬНЫХ СКАНДАЛАХ В ТЕКСТАХ СМИ

© 2020 Филатова А. М.

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара, Россия

Статья посвящена проблеме выделения базовых доминант, на которых строится нарратив о сексуальных скандалах в медиатекстах. Частотность текстов данного нарратива обусловила необходимость их подробного социолингвистического изучения. Было выдвинуто предположение, что вне зависимости от сферы (кино, политика, религия) в основе каждого сексуального скандала лежат одни и те же ключевые элементы. В статье сопоставляются сексуальный скандал вокруг продюсера Харви Вайнштейна как представителя индустрии кино и кандидата на пост верховного судьи Бретта Кавано как пример политического сексуального скандала.

Ключевые слова: скандал, нарратив, норма, доминанты нарратива.

Начиная с 2017 года тема сексуальных домогательств и сексуального насилия в контексте деловых, служебных и других неличных взаимоотношений регулярно появляется в зарубежных СМИ. Подобного рода публикации преодолевают существующее табу на публичное обсуждение ряда тем. Данные изменения обусловлены закономерными трансформациями, происходящими в обществе. Именно изменениями в общественном самосознании политолог Е. Шульман объясняет природу скандала. Скандал возникает вокруг меняющейся нормы, которую раньше принимали как данность и потому не подвергали сомнениям. Но как только существующая норма перестает устраивать широкие массы, ее начинают обсуждать, возникает взрыв публичного внимания, что влечёт за собой пересмотр нормы [2, 3, 4]. Следовательно, цель нарративов о сексуальных домогательствах – не просто рассказать историю, но, во-первых, выделить «проблемные участки» нормы, а во-вторых, заменить их новыми, создав новую норму и новое представление о гендерных ролях [5]. Таким образом, нарративы о сексуальных скандалах можно сравнить с революцией, так как их основная цель также направлена на фундаментальные изменения в восприятии окружающего мира: на изменения гендерной парадигмы и расстановку сил в обществе. В связи с этим интересным представляется выявить основные доминанты нарративов о сексуальных скандалах, которые ведут к смене нормы и изменению гендерной расстановки сил в обществе, а

также понять, как данные изменения фиксируются в нарративах.

В данном исследовании анализировались статьи, вышедшие в американских изданиях The New Yorker, Time, The Hollywood Reporter, Variety, The New York Times. В статье будут рассматриваться два сексуальных скандала: вокруг продюсера Харви Вайнштейна и кандидата на пост верховного судьи Бретта Кавано [6]. Данные скандалы разразились с разницей в год. И несмотря на то, что эти скандалы относятся к полярным сферам жизни общества (скандал вокруг Харви Вайнштейна — сфера кино и шоу-бизнеса, а скандал вокруг Бретта Кавано — политика), они не только имеют общие доминанты, но и связаны друг с другом.

Анализ отобранных методом сплошной выборки текстов позволил выделить основные доминанты, на которых строится сексуальный скандал: 1) оппозиция мужчина–женщина; 2) место событий; 3) «одурманивание»; 4) акт насилия; 5) огласка; 6) отрицание вины; 7) общественная реакция.

В основе сексуального скандала лежат властные отношения. Немецкий социолог М. Вебер трактует власть как способность одного индивида в определённых социальных условиях проводить собственную волю вопреки сопротивлению другого индивида [1]. В роли субъекта власти, как правило, выступает мужчина, так как в нашем патриархальном обществе именно мужчина является основным носителем политической власти и морального авторитета. Объектом власти выступает женщина, которая занимает подчинительное по-

ложение по отношению к субъекту власти — мужчине. Таким образом, для возникновения сексуального скандала необходимо наличие двух людей — мужчины и женщины.

Примечателен тот факт, что субъектность мужчины в текстах о сексуальных скандалах может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Например, в скандале вокруг судьи Кавано его субъектность выражается исключительно имплицитно. В текстах встречаем информацию о его успешных и влиятельных родителях: *his father was a trade association executive, his mother a prosecutor and later a judge*; о его престижном образовании: *student at a prominent Jesuit **all-boys** school, Yale university* и влиятельном окружении: **surrounded by the sons** of powerful Washington professionals and politicians. Сюда же можно отнести принадлежность к влиятельным университетским сообществам: Delta Kappa Epsilon и закрытым мужским клубам: **all-male** secret society Truth and Courage. Читатель понимает, что Бретт Кавано принадлежит к привилегированной прослойке общества, которая имела доступ к университетам «Лиги Плюща», где до 1980-х годов обучались преимущественно белые мужчины из обеспеченных семей. И только в 1969 году туда приняли первых женщин. Также внимание акцентируется на том, что Кавано ходил в частную школу для мальчиков и был членом мужского клуба, где был окружён сыновьями выдающихся людей Вашингтона, что может свидетельствовать о попытке авторов объяснить пренебрежительное отношение будущего судьи к женщинам. С самого детства он был окружён одними лишь мальчиками, выходцами из богатых семей, и просто не воспринимает женщину как равную себе.

В случае с Вайнштейном его субъектность выражается как эксплицитно, так и имплицитно. Использование прилагательных в превосходной степени, имеющих значение власти: **the most influential** producer; **the most powerful** men in entertainment, one of **the most powerful figures** in media, а также существительных и выражений, в семантике которых имеется всё то же значение власти и агрессии: **inspiring both fear and gratitude**; **powerful** bully; **exercised his influence**; **threatening style** of doing business; **powerful, privileged** men — в эксплицитной форме делает акцент на его власти. В то же время как подчёркивание заслуг «винов-

ника» перед обществом, его профессиональных качеств, перечисление многочисленных наград и титулов: **He co-founded the production-and-distribution companies Miramax and the Weinstein Company**; **a longtime Democratic donor**; **won six Oscars**; **organizing a foundation for women directors** at the University of Southern California — опять же делают акцент на его огромной власти, но уже в имплицитной форме.

Все эти средства помогают, с одной стороны, сформировать в глазах общественности образ властного «хищника», а с другой, показывают то, насколько порочными и низкими могут оказаться лучшие представители человечества.

В противовес мужчинам, у женщин, ставших жертвами сексуальных домогательств, совсем другой социальный статус. Как правило, они всегда родом из менее обеспеченной семьи и вынуждены добиваться успеха тяжёлым трудом: *very young, not from our country; grew up in a split-level ranch house in **working-class** Shelton; her parents took out **loans** to pay for **Yale**; she got work-study jobs on campus, **serving food** in the dining halls and **cleaning dorm rooms***. Здесь также важно отметить, что женщина занимается низкоквалифицированным трудом, работая официанткой или уборщицей. Таким образом, женщина оказывается гораздо ниже на социальной лестнице нежели мужчина. Более того, часто это девушки с окраин или даже из другой страны, возможно, не получившие хорошего среднего образования. Они выделяются своим нелепым внешним видом и манерой говорить. Зачастую это аутсайдеры и предмет насмешек окружающих: *made fun of the way she dropped consonants when she spoke; ribbed her for not being fluent in Spanish; mocked her knockoff black-and-red **Air Jordans***.

Также женщина зависима от мужчины и не может самостоятельно строить свою карьеру и реализовывать свои амбиции: *just felt **powerless** because I thought I really **needed** his help and guidance; so many women are **powerless**; she **needed** work*. Это хорошо видно на лексическом уровне при использовании лексики *power* с суффиксом отсутствия *-less*. Более того, женщины как бы постоянно находятся в нужде и занимают позицию просящего. Они просят у мужчины помощи, продвижения. Это видим за счёт использования модального глагола *need*.

Итак, все вышеназванные аспекты формируют у читателя два образа: сильного и властного мужчины, который обладает практически неограниченной властью и набором возможностей, и девушки-простушки, которая хочет двигаться по карьерной лестнице, но у неё нет ни власти, ни возможностей. Реализовать свои амбиции она может только через мужчину, так как именно он является хранителем ключей от стеклянного потолка.

Следующая доминанта сексуальных скандалов — место событий, т.е. то место, где происходит встреча мужчины и женщины. Важно подчеркнуть, что в громких историях о сексуальных скандалах насилие никогда не происходит «на тёмной улице в грязном углу». Это всегда безопасное место. Однако безопасным оно является только для насильника. Таким местом может служить роскошный офис компании-гиганта киноиндустрии или номер пятизвёздочного отеля, как это было у Вайнштейна (*his company office, hotel room*), или вечеринка в студенческом общежитии, как это было в деле Кавано. Всё это создает у потенциальной жертвы ложное чувство безопасности. Ведь вокруг много людей, и если что, то кто-нибудь обязательно придёт на помощь. Однако всё это оказывается лишь бутафорией, цель которой — отвлечь внимание жертвы.

Следующая не менее важная доминанта в нарративах о сексуальных домогательствах это «одурманивание». Как только потенциальная жертва оказалась на территории «врага», начинается её постепенное «одурманивание». Под «одурманиванием» жертвы в данном случае понимается усыпление её бдительности, которое может реализовываться напрямую, посредством алкоголя или наркотических веществ, или косвенно, посредством обещания разного рода помощи и продвижения по карьерной лестнице. С одурманиванием жертвы посредством алкоголя сталкиваемся в скандале с Кавано: все женщины, обвинившие его в домогательствах, были на вечеринке с алкоголем и наркотиками. Однако здесь важно сделать акцент на использовании пассивного заложника: *while drinking game she had been chosen several times, she had been drugged*. Таким образом, ответственность за употребление алкоголя и наркотиков и последующие события снимается с жертвы и целиком перекладывается на насильника. Он виноват уже не только

в том, что совершил насилие, но и в том, что якобы целенаправленно «спайвал» свою жертву.

Грехи Вайнштейна в сравнении с Бреттом Кавано носят менее «смертный» характер. Здесь нет ни наркотиков, ни алкоголя. Он просто «играл» на желаниях своих жертв — желании получить хорошую роль, сделать карьеру. Такая своеобразная игра «ты мне — я тебе»: **told her about two scripts and said one of his associates would discuss them with her; offered her career help; promising a meeting with one of his female executives; if she accepted his sexual advances, he would boost her career; offered parts in movies or jobs.**

Факт игры в «ты мне — я тебе» подтверждает и то, что жертвы знали о его дурной репутации, они добровольно соглашались на его «авансы». В целом можно сделать вывод о том, что они знали на что идут и чем им придётся заплатить за продвижение по карьерной лестнице: *she had heard rumors about Weinstein she let him have her number; she reluctantly agreed to give Weinstein a massage; acceded to his demand; she agreed; did not want to miss an opportunity.*

Далее происходит сам акт насилия. Под насилием понимаем акт физического, психологического или сексуального воздействия одного человека по отношению к другому. Как правило, сексуальное насилие подразумевает и физическое, таким образом, реализуется компонент принуждения как форма проявления власти — **forcibly performed oral sex on her; forcing vaginal sex; pinning her on a bed, унижение или высмеивание — lashed out that she needed to lose weight; making me feel bad about myself; saw him standing, laughing and pulling up his pants, манипуляции — simultaneously flattering me and demeaning; have long opted to remain silent for fear of losing parts; boast about his sexual liaisons.**

Более того, было замечено, что насильственный характер действий Харви Вайнштейна полностью соответствует теории «трёх фаз», разработанной Ленор Уокер.

Первая фаза — напряжение. Она характеризуется различного рода оскорблениями: **lashed out that she needed to lose weight.** Вторая стадия — это само насилие: **assaulted me.** И затем — «медовый месяц». Это некоторое отрицание со стороны насильника

серьёзности произошедшего и попытка загладить вину. Насильник делает всё, чтобы создать у жертвы ощущение, что ничего страшного не произошло. В ход идут самые разные уловки — от дорогих подарков до знакомства с родителями: **offering gifts; made it sound like he was my friend and he really appreciated me; introduced her to his mother.** Данный цикл повторяется снова и снова и объясняет, почему жертвы молчат о произошедшем: **continued to have professional contact** with Weinstein after the alleged rape; **had professional contact** with Weinstein for years after the incident; **grew close** to him. Жертва пытается всеми силами продлить этот «медовый месяц» и боится разозлить своего насильника: **he could ruin my life; didn't want to anger him** [7].

Следующий этап — огласка или «сарафанное радио»: **I can't keep silence anymore; years of guilt; making women equal to men.** Женщина вдруг понимает, что она больше не хочет занимать позицию просящего, что она тоже хочет обладать властью, хочет быть на равных с мужчиной. Здесь важно подчеркнуть, что цель состоит не в том, чтобы наказать конкретного обидчика, а именно в том, чтобы сменить норму, чтобы подобное больше не повторялось: **that's my civic duty; it was my duty as a mother of daughters; I felt it was my duty.** И если раньше у неё не было инструмента, который бы позволил ей задействовать широкие массы общества и поменять сложившуюся веками норму, то теперь этот инструмент у неё появился — социальные сети. Женщина больше не обращается в полицию или в соответствующие органы, которые должны её защитить. Она рассказывает о произошедшем на многомиллионную аудиторию социальных сетей: **power of tweets; breaking their silence on Twitter or Instagram.** Здесь слово «власть» впервые употребляется по отношению к женщинам, и старая норма даёт первую трещину. История женщин получает мгновенный отклик и общественный резонанс и попадает в «тираж», о ней начинают говорить и писать, а акт насилия, совершённый часто много лет назад, превращается в сексуальный скандал. Также необходимо отметить тот факт, что важнейшим результатом активности женщин в социальных сетях стало появление такого мощного движения, как #MeToo, которое объединило женщин

по всему миру и стало символом борьбы женщин с сексуальными домогательствами и культурой, их породившей: **banded together in solidarity; umbrella of solidarity for millions of people; together as a team.** Это движение уже навсегда изменило соотношение сил в гендерной войне за власть.

После того как факт насилия стал достоянием общественности, наступает следующий этап — отрицание вины насильником. Отрицание вины — это психологический механизм, срабатывающий, когда обвиняемый понимает, что пойман с поличным, но хочет уйти от ответственности или смягчить наказание: **I used to compliment people, and some took it as me being sexual; I just didn't know any better; any allegations of non-consensual sex are unequivocally denied; he denies many of the accusations as patently false.**

И, наконец, когда женщины заявили, что сексуальное насилие как норма их больше не устраивает, а мужчины выступили с заявлением, что ничего не было, возникает общественная реакция (победа или поражение). В деле Вайнштейна она носит достаточно оголтелый характер: **before hearings he lost everything; public condemnation; The Weinstein Co. is weighing a sale to Colony Capital; Weinstein finds himself isolated and abandoned** by the A-list stars and directors he once claimed as friends. Еще до начала судебных разбирательств и предъявления хоть каких-то доказательств он получил «волчий билет» и потерял всё, что у него было. И даже если его оправдают, это уже ничего не изменит. Более того, здесь можно заметить интересный эффект. Когда Вайнштейн был у власти, общество знало о его «преступлениях», но делало вид, что ничего не происходит, а как только его положение пошатнулось, всё те же люди стали его палачами: **inner circle knew about his deeds; numerous people throughout his companies fully aware of his behavior; some of the onlookers laughed.**

Политический сексуальный скандал имеет несколько другую специфику. Здесь политическая верхушка отказалась верить женщинам на слово: **In the morning, an all-male panel of Republican senators hired an outside prosecutor to try to pick apart Christine Blasey Ford's credibility live on national television. They refused to subpoena Mark Judge, the key witness, or launch the FBI investigation** Ford asked for.

And after hearing her testimony, and **judging it credible**, they simply **ignored it**; **Despite the allegations against him**, the Senate voted 51-49 for cloture Friday. This pick is all about **extending male power** over female bodies. Женщины вынуждены пройти через целый ряд унижений в попытках доказать достоверность своих слов. И даже после того, как комиссия признала их обвинения достоверными и заслуживающими доверия, в проведении дальнейшего расследования было отказано, а Бретт Кавано большинством голосов получает должность верховного судьи. Данное решение является политически мотивированным. Это не что иное как попытка показать движению #MeToo, что у него больше не получится рушить мужские карьеры, что власть принимать решения пока ещё в мужских руках. Однако женщин данный проигрыш не расстроил, ведь их основная цель — не наказать конкретного человека, а сменить норму, и пока у них это отлично получается: **We may have lost a political battle with Kavanaugh confirmation, but we are winning a cultural battle #belivesurvivals**. Если скандал вокруг Харви Вайнштейна породил движение #MeToo, то скандал вокруг Кавано движение #belivesurvivals. И в этом случае важен факт смены терминологии. Теперь женщин, пострадавших от сексуальных домогательств, име-

ную не victims (жертвы), а survivals (выжившие). Таким образом, уходят компоненты сожаления и презрения, связанные со словом «жертва», а на первый план выходит понятие «уважение», заложенное в семантике слова «выживший».

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что оба сексуальных скандала имеют одинаковые базовые доминанты: оппозиция мужчина и женщина; сцена событий; «одурманивание»; насилие; огласка; отрицание вины; общественная реакция. Мужчина и женщина — это два полярных образа. Мужчина предстает в образе властителя, а женщина — в роли просящей. Характерной чертой сексуальных скандалов вокруг Харви Вайнштейна является чёткое понимание жертвы, на что она идёт и чем ей придётся заплатить за реализацию своих желаний. Таким образом, рассмотренные сексуальные скандалы представляют собой поднарративы, которые объединяются в один большой нарратив о сексуальных скандалах. Более того, поднарративы не являются отдельными самостоятельными историями, а связаны между собой. И каждый новый скандал отражает тот или иной этап в смене нормы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. - М.: Рипол-Классик, 2018 -130 с.
2. Кириллов А.Г. Факторы воздействия новостей в политических нарративах на адресата // Сборник материалов и тезисов докладов XII Межрегиональной научно-практической конференции «Обучение иностранным языкам: настоящее и будущее». - Самарский государственный аэрокосмический университет. 2006. - С.108-111.
3. Коломийцева О.Ю. Парижские теракты в газетном дискурсе ФРГ // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 2-3. - С. 106 .
4. Юсупов С. Политолог Екатерина Шульман: «Нет больше тайной частной жизни, всё известно и всё записывается» // Инде. - URL: <https://inde.io/article/13721-politolog-ekaterina-shulman-net-bolshe-taynoy-chastnoy-zhizni-vse-izvestno-i-vse-zapisyvaetsya> (дата обращения: 14.02.2020).
5. Filatova A.M. Means of representing a male assaulter and a female victim in media texts // Language. Text. Society. - Vol. 6. - No. 1. - Pp. 1-12.
6. Walker L.E. The battered woman syndrome: with research associates. - New York: Springer Pub. Co., 2009. – 140 p.

KEY DOMINANTS OF THE NARRATIVE ABOUT SEXUAL SCANDALS IN THE MEDIA

© 2020 Alina M. Filatova

Samara University of Public Administration
“International Market Institute”, Samara, Russia

The article is devoted to the problem of highlighting the key dominants on which the narrative about sexual scandals in media texts is based. The frequency of this narrative has necessitated its detailed sociolinguistic study. It is hypothesized that regardless of the sphere (cinema, politics, religion, etc.) the same key elements are the basis for every sexual scandal. The article compares the sexual scandal around producer Harvey Weinstein as a representative of the film industry and the scandal around the candidate for Chief Justice Brett Kavanaugh as an example of political sexual scandal.

Keywords: scandal, narrative, norm, narrative dominants.